ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- Удачи, мужики! - старший лейтенант Рогожин крепко пожал нам с Тунгусом, руки. - До свидания!

Последние слова сказаны, и мы смотрим в спину уходящих ребят. Парни оглядываются; в глазах сожаление. Ведь каждый из них рвался остаться здесь, но не судьба. Ибо шанс задержать бандитов и остаться в живых - есть только у меня и моего напарника. Хотя нет! Командир! Вот он бы смог, но его обязанность увести группу и заложников. Тяжело мужику. Оставить двух своих "любимчиков" практически на верную смерть... Да уж, "любимчики"! Ибо то, что было нормально для всех, для меня и Тунгуса было плохо! И пахали мы больше и бил нас больнее, а все потому, что мы особенные. Не такие как все - у нас есть дар. У командира, кстати, тоже... Но нам до него еще далеко! Как новорожденному щенку до матерого волкодава!

Все-таки удачное здесь место: ни справа, ни слева нас не обойти. Точнее обойти-то можно, но на это уйдет много времени, так что - только в лоб. Метрах в пяти позади меня, за камнями, залег Тунгус. Пусть здесь и не слишком крутой подъем, но все же... Приникнув к оптике СВД, сосредоточенно отстреливает неосторожных... Отлично! Прижимая к плечу пулеметный приклад, стреляю: короткими, злыми очередями. Главное, выиграть время - сколько можно и дать парням шанс оторваться. Сколько же вас? Получите, твари! Сдохните!!!

Ванькин пулемет снимал кровавую жатву, мстя за своего погибшего хозяина. Снайперка Тунгуса не отставала в этом кровавом пире... Мы держались... Потом, мой напарник отошел назад и начал ставить растяжки. Закончилась последняя пулеметная лента... Пора! Постреливая короткими очередями из автомата, отхожу назад, прикрываемый вернувшимся Тунгусом. Отступаем вдвоем: мой напарник, закинув за спину СВД, стреляет из "калаша". Не забывая подсказывать, как идти. Не зная где... можно подорваться и раньше времени отправиться к предкам.

Ага! Вот и первая растяжечка "сработала": после взрыва слышатся маты и стоны. Хорошо! Теперь замедлятся. Обязательно!

Растяжки позволили нам оторваться, а мы лепили новые. Где попало и как попало. А ведь у нас с собой не так много гранат - всего двадцать штук... Кто сказал: что натянутый кусок проволоки не нанесет врагу урон? А остановиться, обезвредить, поматериться. Как понять: где обманка, а где настоящая растяжка? Пока не проверишь - никак! Вот и ползут, теряя время и нервы. А ведь растяжки срабатывают, мы же мастера своего дела, появляются убитые и главное раненные. Ведь раненый - это груз и психологическое давление. Его надо перевязать, а еще он кричит и стонет... При погоне: надо не убивать, а ранить...

Вот ведь беда: Тунгуса зацепила шальная пуля, а он пер как танк и продолжал минировать. Когда же ноги стали заплетаться, и он упал, то потребовал: чтоб я его оставил, а сам уходил. Вот дурак... Десант своих не бросает! Лучше сдохнуть!

Кое-как перебинтовав рану под правой лопаткой, взвалил снайпера на себя и пошел. А он все скулил и требовал его оставить, мол, он врага задержит. Ну что за идиотизм? Какой враг? В том лабиринте проволоки, который мы оставили позади, сам черт ногу сломит. А ведь там, не только проволока, но есть и проволока с гранатами, так что, хрен они нас догонят...

Я пер вперед, твердя как заклинание:

- Скоро придем, держись, брат. Ребята нас не бросят, а там больничка, тебя подлатают, медальку какую-нибудь дадут. Будешь сестричкам хвастать, главное держись, брат.

Не знаю, сколько я прошел со своим грузом? Ребята потом чего-то прикидывали и решили, что не менее трех километров. После того, как по бандитам отработали летуны, тем, кто выжил, было не до нас. Наши парни закинули журналюг в вертушки и ломанулись за нами. То, что мы не разминулись, было маленьким чудом.

Нас нашли через два часа. Сняли с меня тело, да тело, ибо Тунгус был мертв. Мертв давно, и нес я, и разговаривал - уже с неживым человеком. Я выл, бил кулаками землю:

- Я должен был успеть, должен... - я ненавидел себя: за то, что слабак, за то, что еле переставлял ноги, за то, что падал.

- Егор, ты не мог успеть! Даже, если бы его сразу погрузили в вертушку - не довезли бы. Без вариантов. Насмотрелся я, - Рогожин тяжело вздохнул, присаживаясь на землю рядом со мной. - Если сразу на операционный стол, тогда да, а так без вариантов.

- Командир, а как его звали? - какое-то спокойствие напало на меня. Все! Кончилась истерика.

- В смысле? - на его лице было удивление.

- Ну, Тунгус - это ведь не имя. А, по-другому, как то и не знаем.

- Антон, его звали Антон.

Потом было возвращение на базу. Я угодил в госпиталь, на неделю, оказывается, был ранен - в руку. По касательной, почти царапина, но эскулапы залютовали и заперли меня. Подозреваю, не обошлось без отцов командиров, да и верно, крыша у меня подтекала конкретно, еще завалил бы какого - "бородатого". А так хоть успокоился немного. Но вот жалость во мне умерла. Совсем.

Забирая меня от эскулапов на стареньком, видавшим виды уазике, старший лейтенант Рогожин пытался выяснить мое душевное состояние:

- Как себя чувствуешь, Егор? - рулит, время от времени, посматривая на меня.

- Да нормально, товарищ старший лейтенант! - вздыхаю. - Я сразу себя чувствовал нормально. Рана-то тьфу, кусок кожи содрало!

- С мясом, Егор, с мясом!

- Ой, да сколько там этого мяса-то было? - и тут решаюсь. - Это ведь вы меня в больницу законопатили?

- Так, сержант, что за базары? Ты был ранен, вот и лечился!..

- Товарищ старший лейтенант, ну что вы меня за дурака-то держите? Что я не понимаю... Вы боялись, что я кого-нибудь шлепну?

Молчит, смотрит на дорогу, потом повернувшись ко мне говорит:

- А ты уверен, что не стрельнул бы какого-нибудь, - крутит в воздухе пальцем, - скажем так "не русского".

Вздыхаю и, отвернувшись к окну, признаюсь:

- Нет, не уверен! Когда Тунгус погиб... я, наверное, не сдержался бы. Увидел бы какую-нибудь бородатую харю... или пристрелил бы, или зарезал...

- Вот! А ты говоришь! - и потеплевшим голосом. - Я понимаю тебя... но ты солдат, Егор... и дай бог, чтоб это была последняя потеря! Но надеяться на это не стоит... Знаешь, сколько у меня было таких потерь? Только я командир и не могу раскисать, потому что, на мне ответственность за тех, кто жив! - молчит, смотрит на дорогу и молчит, думая о своем.

- Говорят... потом привыкаешь, становишься равнодушней?

- Нет! Каждый раз как в первый... Каждого помню... - лицо командира меняется и из уголка глаза бежит слеза. - Нельзя привыкнуть к смерти... своих ребят! Может, это про врагов сказано? Тут заморачиваться не надо... Сделал работу и пошел себе дальше...

Сморгнув слезу, какое-то время молчит:

- Ты как? Не пристрелишь кого-нибудь? - с надеждой смотрит на меня.

- Все нормально, командир, не подведу... Переболел, смирился, теперь не кинусь... Но и жалости во мне не осталось... Я не подведу! - и, помолчав, добавляю. - На мне ведь ответственность за ребят, что живы...

Рогожин улыбается:

- А как парни тебя ждут! Барана у местных выменяли, шашлык маринуют... Помнишь коньяк, который вы с Тунгусом сперли у начштаба?

- Помню! - непроизвольно губы расползаются в улыбке. - Мы тогда решили вам свою крутость показать! Ну, Тунгус и предложил...

- Тунгус? А я думал твоя идея!

- Нет, Тунгуса! Очень он хотел вас удивить, вы же для него как бог были...

Оплетка на руле жалобно заскрипела, когда командир стиснул побелевшими, от напряжения, руками руль.

- Я знаю... - и, помолчав, вдруг грустно улыбнулся, - она у меня до сих пор лежит. На дембель вам подарить хотел... Теперь помянем Ваньку и Антона...

Тихий, весенний вечер: горит костер, тлеют угли в мангале, разносится дразнящий аромат томящегося над углями мяса... Ребята: сидят вокруг костра, старший прапорщик Иванов: колдует возле мангала. Рогожин разлил по стаканам бутылку коньяка. Вышло совсем по чуть-чуть, что такое пол литра на десять человек... Встал и, прокашлявшись, начал:

- Все знают происхождение этой бутылки? - парни грустно улыбаются, конечно, эту историю знают все. Ведь нашу добычу рубали всем коллективом! Командир качает головой: - Эх, не так она должна была быть распита... - и, поперхнувшись, севшим голосом продолжил, - Егор, Саня может вы, скажете?

- А можно я спою? - неожиданно предложил Саня. - Песня тут родилась...

- Я не против, песня это хорошо...

Сашке подали гитару, проведя пальцем по струнам, он начал:

- Простите если не слишком складно - уж как смог...

У могильной плиты, на потертой скамье,

Грустный парень сидит и вздыхает.

Он почти что седой, хоть и сам молодой

Слезы скорби с лица вытирает.

Что ты плачешь пацан молодой,

Или кто-то близкий, родной под могильной землей?

Мать любимая или отец,

Дорогая сестра или брат сорванец?

Да! Ответил боец молодой,

Близкий, родной человек под холодной землей.

Я его никогда не любил,

Он и в детстве всегда меня бил,

Но пришлося нам вместе служить,

На не нужной войне рядом быть.

Он и здесь меня задирал,

А потом между мною и смертью он встал.

В этот проклятый день, в бой мы рядом пошли,

Автоматы в руках, тяжкий груз на душе.

Грохот взрывов и посвисты пуль,

Это наша судьба и с нее не свернуть.

Грохот взрывов и посвисты пуль,

Это наша судьба и с нее не свернуть.

Сквозь прицел меня враг отыскал,

И свинцовую смерть в грудь мне послал.

Он увидел ее и собой заслонил,

Жертву крови за жизнь заплатил.

Он увидел ее и собой заслонил,

Жертву крови за жизнь заплатил.

У меня на руках умирал,

Лишь одно я ему повторял:

Я тебя никогда не любил.

Помнишь в детстве всегда меня бил?

Но пришлося нам вместе служить,

На не нужной войне рядом быть.

Ты и здесь меня задирал,

А теперь между мною и смертью ты встал.

Ты и здесь меня задирал,

А теперь между мною и смертью ты встал.

Голос становится тише и с последним аккордом замолкает. Проведя последний раз по струнам, Саня упирается лбом в гитару и молчит. А может тихонько плачет? Не знаю... Я вытер набежавшие слезы и посмотрел по сторонам... Кому соринка в глаз попала, кто что-то рассматривает на земле, низко опустив голову...

***

В огромном, шикарно обставленном кабинете, развалясь в удобнейшем кресле, сидел импозантный мужчина с бокалом дорогого коньяка в руке. Внешне довольно сложно определить его возраст, но навскидку не более сорока. Просто привычка следить за собой, позволяет поддерживать прекрасную физическую форму. Отхлебнув маленький глоточек, он обратился к своему другу и по совместительству начальнику СБ. Петр Олегович Битаров сидел в кресле напротив и с задумчивым видом дегустировал коньяк.

- Письмо пришло от нашего обормота, - слегка улыбаясь, произнес Анатолий Анатольевич Милославский.

- Да ты что? Когда? Толя, ты чего молчал? И вообще, почему я не в курсе? - встрепенулся тот.

- А оно два дня назад пришло, ты тогда еще в Питере по девкам бегал, - смеется хозяин кабинета.

- Да ну тебя! Ты же знаешь, что я вопросы решал. Что пишет хоть?

- Ты понимаешь, Петя, ничего нового.Скучно ему, видишь ли, - улыбается Милославский.

- А тебе не скучно? - ехидно вопрошает человек, по сути, являющийся вторым отцом парня о котором идет речь. Не имея своих детей, мужчина перекинул всю нерастраченную любовь и

нежность на сына своего единственного друга, а в прошлом и командира. Судьбы этих трех людей были настолько плотно переплетены, что они стали одной семьей.

- Скучно, - кивает Анатолий Анатольевич. - Но знаешь, стало спокойней... Там-то намного меньше шансов, что его убьют... Ведь постоянно от охраны сбегал, гаденыш.

- Да уж... Это как мне пришлось постараться, чтоб его подставить, - Петр Олегович качает головой, - но ребята сделали все убедительно.

- Это да. Ты им премию выписал, надеюсь?

- Конечно. Ведь если бы не артистизм моих агентов, хрен бы мы Егорку в армию спихнули. Свалил бы куда-нибудь. Пока бы нашли... а он бы опять. Да хоть с поезда спрыгнул, ты ведь его знаешь, упертый как ты!

- Да-а-а... Аж стыдно немного, такие глаза у него были... Как у побитой собаки, - отец тяжело вздохнул. - Ерепенился, но вину чувствовал... Вот и поехал. Ну да ничего, потом повинюсь, главное, что его никто не достанет. А точно не найдут? - неожиданно заволновалсяон.

- Точно, точно. Все схвачено. По документам его отправили в тайгу, но по дороге к нему наш человек подошел, должен был голубым беретом поманить. Сам понимаешь, уж кто-кто, а твой сын всяко повелся бы. Но наш парень как всегда отличился и успел напиться на пересыльном.

В этот момент Милославский неодобрительно покачал головой, но только тяжело вздохнул, промолчав: горбатого только могила исправит. Тьфу-тьфу.

- Так вот напился и наблевал там на майора, - продолжил рассказ начальник СБ, - сам понимаешь, дело стало еще проще. А там учебка, которую курирует ГРУ. И адрес у нее липовый, все как всегда, через седьмое колено коридором. Заодно и дисциплине парня подучат, да и драться наконец-то тоже. А то грех сказать, мужик, а боится, что фейс подпортят... - мужчины весело засмеялись.

- Да понятно это все. Все же докатиться до такого идиотизма, чтоб забивать электронным микроскопом гвозди, надо постараться... Но ты же сам понимаешь, беспокоюсь я. Хотя умом понимаю, а беспокоюсь... Не приспособлен Егорка к такой жизни, избаловали мы его. И ты в том числе...

Битаров сокрушенно развел руками. Вроде как: виноват, а что делать? По сути: мужчины вечно занятые делами, не могли уделять много времени воспитанию. Вот и упустили парня. А наказать по-настоящему рука не поднималась, ведь Егор так похож на маму... Которую оба безумно любили, один как жену и женщину, а второй как старшую сестру, которой у него никогда не было. Оба детдомовские, воспитывавшиеся вместе, только Анатолий старше на шесть лет. Так уж вышло, что все функции старшего брата выполнял он, защищал и оберегал. Вначале не давая в обиду малыша, потом в школе и наконец, поспособствовал тому, что уйдя в армию, Петр попал в его группу, так что обычную срочную он не служил, попав сразу же в цепкие лапы ГРУ. К тому времени двадцати четырех летний Анатолий, запримеченный спецслужбами еще в институте и переведенный с третьего курса в спецшколу, был уже старшим лейтенантом.Имел орден Красной Звезды и беременную жену, которая и заняла место старшей сестры в преданном сердце Петра. И как бы это странно не было, но воспринимать эту очень красивую женщину по другому, иначе, чем сестру, он не мог.

Но вот в девяносто втором году, когда Егору исполнилось семь лет, мужчины находящиеся в командировке получили сообщение, что Елизавета похищена вместе с сыном. Для ее спасения

требовалась самая малость... Предать Родину...

То, чего полковник Милославский и капитан Битаров сделать не могли. Ибо майор Милославская никогда бы не простила их за это, да и поверить в то что заложников оставят в живых было трудно.Поэтому в течении двух дней был насмерть запытан один высокопоставленный чиновник и помножено на ноль еще некоторое количество чинуш и бандитов рангом помельче. Но место где держали заложников, было найдено. Милославский всегда умел окружить себя преданными людьми.

Это был загородный дом одного из партийных бонз, уже во всю приступившему к распилу... И все бы было хорошо, куда каким-то там бандитам против настоящих профи... Но вот кто-то их слил. И бойцов спецназа встретил шквальный огонь... А потом когда стало ясно, что профи все же давят превосходящих им числом противников, прозвучал взрыв...

Надо ли описывать, что испытывали в тот момент друзья, потерявшие все, что им было дорого? И кто его знает, как повернулась бы их судьба и что они сделали, если бы не Сашка Развозжаев.

- Товарищ полковник, там один живой. Грохнуть хотел суку, а он говорит, что знает, где малец!

- Что? - равнодушно спросил Анатолий, не осознавая, что происходит.

- Я говорю, нет здесь Егора, вчера увезли. Подстраховаться решили, в лесуон в сторожке...

Тело Лизы нашли в подвале дома, обгоревшее до неузнаваемости. Только по часикам и браслету, с сережками и смогли опознать. А Егор? Что Егор? Конечно же, освободили, что такое четыре охранника против злых как черти спецов? Да ничего.

А вскоре Анатолий и Петр покинули службу, не желая служить новой власти. Однако имея прочные связи и преданных людей - очень быстро, заняли высокое положение в новом мире...

Вынырнув из болезненных воспоминаний, Петр Олегович глотнув коньяка с тоской произнес:

- Да понятное дело, пороть надо было... Но как посмотрю в его глаза, так Лизу вижу...

- Да, Петруха, не сберегли мы...

Мужчины замолчали, грустно глядя друг на друга, потом синхронно допив остатки коньяка, посидели немного, и вновь наполнив бокалы, продолжили свой разговор.

- Нет. Правильно мы поступили, Петя. Это же охренеть можно, пока Егора нет уже два покушения!

- Три.

- Что три?

- Три покушения.

- А я, почему не в курсе, - удивился Милославский.

- Теперь в курсе. Мои парни не зря твой хлеб трескают, как раз пока я в Питере был, взяли на

подготовке... Сейчас в подвале прессуют, кто и чего...

- Думаешь, узнают?

- Сомневаюсь. Да и что могут знать эти шестерки?

- Премию ребятам не забудь!

- Да уж как водится...

Вновь помолчали, раздумывая о превратностях судьбы.

- Что психологи говорят? - задал очередной вопрос хозяин кабинета.

- Все по-старому. Говорят, что письма пишет вполне спокойный и уравновешенный человек, может слегка уставший и неудовлетворенный, но для солдата это нормально. Прикинь, уравновешенный!? Это Егор то? Нет. Однозначно, армия ему на пользу идет! Конечно, если в письмах прорежется паника, а она прорежется, если ему будет светить что-то опасное. Тогда конечно озаботимся.Ты же знаешь своего сына? Признай, трусоват он...

- Что есть, то есть, - соглашается отец. - Еще есть, какая информация?

- Да вроде ничего такого. Конверты по всем признакам вскрывают. В тексте никаких подробностей, все признаки секретной части. Если и не на бумагах, как пишет, то точно охраняет объект какой-нибудь. Тут ведь самое приятное, что Егор не там где по документам... А возле той части, где он якобы служит, наши ребята пасутся. Ну, да ты в курсе, что двоих уже взяли...

- Да. Ты говорил. И тоже глухо?

- Глухо. Под репортеров маскировались, типа за экологию борются.

- Угу... И что?

- Они в округе шастали, подходы искали... Причем репортерами они оказались самыми настоящими. Вот мы их и отпустили, мало ли, вдруг заказчики прорежутся? Но пока глухо... Но польза несомненная есть!

- В том, что наши "доброжелатели" уверенны, что Егор там?

- Да! Заметь письма то тоже через эту часть идут, я потому эту учебку и выбрал.

- Эхе-хех... Жаль, что нельзя узнать, что и где Егорка... Мигом спалимся. Стоп, а он случайно не в этой части? А то может, мы сами себя перехитрили?

- Да нет, - засмеялся начальник СБ. - Я же из дома звоню регулярно в часть, там Серега Ремизов рулит, ну да ты ж его знаешь! И хоть линия защищенная, он по честному рассказывает, как там Егор служит...

Мужчины довольно засмеялись. А что? Егор в безопасности. Враги в неведении, а уж найти и разобраться с ними дело времени.

- Я вот что думаю, - Милославский потер подбородок и задумчиво поинтересовался: - А если

Егор действительно контракт подпишет?

- И что? Для тебя это проблема?

- Смеешься? Мне контора должна как земля колхозу, сына уж точно вернут, - засмеялся бывший полковник ГРУ. - Но вот если он сам захочет? Что тогда делать будем?

- Хм... Толь, а может по мере поступления? В конце концов, это будет поступок! Чего я от твоего сына ну никак не ожидаю. Мне кажется, он дни считает до дембеля. Там ведь баб нету, а это такой аргумент, что никакие золотые горы не перевесят. Да и какие там могут быть горы? Он за вечер на баб может спустить больше, чем иной генерал за месяц зашибает...

- Ну, давай выпьем, - улыбающийся Милославский поднял бокал. - За то чтоб два года быстрее пролетели, и мы наконец-то, нашли того, кто так сильно хочет умереть!

http://tl.rulate.ru/book/25699/535676